

TS 425

TS 425

АЛЕВСКАЯ СВЯТЫНЯ.

Et vos clivosae, veterum monumenta, ruinae.

Virgilius.

Р. 13/376

Грузинское царство, на зарѣ вѣковъ извѣстное исторіи, есть обширное поле немолкавшихъ на немъ битвъ. Оно орошено кровію его и чуждыхъ ему сыновъ. Шумъ и звуки оружія къ нему враждебнаго слышны на вѣсхъ углахъ этого поля, въ продолженіи двадцати трехъ вѣкового его существованія царственнаго. На немъ видны миліоны павшихъ жертвъ, груды бойцовъ. Враги его историческаго значенія оставляли на немъ слѣды огня и меча. Они побѣждали народъ, но не имѣли ни средствъ, ни возможности отнять у него знаменіе, подъ которыми выступалъ онъ на арену. Злодеяны были смертны; знамена жъ были не

Handwritten circular stamp with illegible text.

доступны, для стрѣлъ и мечей—безсмертны. Это—храмы христіанскаго Бога, воздвигнутыя на горахъ и долахъ царственнаго отголоску глаголювъ небесъ гелин, отосскъ свѣта вѣчности и безсмертія, компасъ, безъ котораго опасно плаваніе по шумному и тревожному океану жизни земной для спокойнаго достиженія пристанища къ небесамъ. Велики, вѣчны эти памятники, указатели его величія царственнаго, народнаго. Орелъ христіанскаго генин, со славою царитъ надъ народомъ, торжествующимъ вокругъ ихъ и подъ сѣнію этихъ знаменъ свою христіанскую гражданственность. Одно изъ такихъ безчисленныхъ знаменъ—Алевская святили.

Отъ живописнаго Душета до Алевской святили считается 15 верстъ. 14 августа начинается шествіе туда богомольцевъ ко дню праздника успенія пресв. Богородицы. Населеніе ущелій кеанскаго и арагвскаго отъ Мухрани и Душета верхами, на арбахъ и пѣшими, странствуетъ къ святили, украшающей темя горы *Алеви* (აღვეთი), означающей на груз. языкѣ *высоту*, на высотѣ 7,000 футовъ.

Путь къ этой высотѣ отъ всѣхъ пунк-
товъ подвинутаго населенія — очаровате-
ленъ. Воды, лѣса, ущелья, зелень, воздухъ
горный подъ глубокимъ и широкимъ сво-
домъ этого душетскаго Синая — достойны ки-
сти художника, пера поэта красота приро-
ды. Позѣвъ, на протяженіи 25 верстъ отъ
населенія, отдыхающаго подъ тѣнью лозъ
винограда и среди роскошнаго царства пше-
ницы, вдругъ является путнику на той вы-
сотѣ, гдѣ превращается растительность лѣ-
са. Здѣсь вмѣсто лѣса являются кусты низ-
каго горнаго рододендронъ (ოჯღო, ზუგბო
Rhododendron caucasicum), столь опасные
для буйволовъ, отъ бѣды ихъ поражаемые
смертію, и отравляющіе самый медъ въ
Имеретіи, по замѣчанію еще отца медици-
ны Иппократа, за 460 лѣтъ до Р. X. по-
сѣтившаго и описавшаго Колхиду. Широка
эта безлѣсная вокругъ сватыни, травою по-
крытая мѣстность, на которой располага-
ются богомольцы, напоенные не холодною
водою, единственною на этой высотѣ, но,
по мѣстному выраженію, ледяною въ 3
градуса. Отъ этой высоты до вершины
горы, которая вѣнчается церковію по кру-

тому изгибами входу, считается 4,400 футовъ.

Отъ мѣста расположенія поклонииковъ святины, восходить и нисходить богомольцы по извилистой высотѣ, рисуя глазамъ и воображенію картину видѣнія лѣстницы Іакова, патріарха древняго міра, по которой восходили и нисходили ангелы.

На половинѣ этой лѣстницы, благочестіе древнее съумѣло для отдыха устроить часовню (баѡа) или ишну, гдѣ огромный каменный крестъ, издревле водруженный, зоветъ на молитву или молитвенное отдохновеніе путника къ высотѣ святины. Самая высота горная, по мѣрѣ отдаленія отъ земли и возвышенія къ небесамъ, неволью, говоритъ грузинскій писатель, даетъ молитву молящемуся (ძობნავ ღოცუბ ძღოცუბღაბს) (*).

Здѣсь, у этаго входа, путникъ, согрѣтый святинею, неволью смиряется для изученія христіанскихъ добродѣтелей, по лѣст-

(*) Въ рѣчи инокъ Теофана гурійскаго, при вступленіи въ джуматскую кафедральную церковь на высотѣ горной въ 4000 футовъ епископа Николая въ 1712 году.

внцѣ Іоанна Лѣствичника (ოცნე ჯეჯბეზბო), (525—605), оканчивающихся) ღობრადეზენიო любви подъ сводами храма, შობილანიცა Бога, источника любви, столь ясно выражающейся какъ въ твореніи, такъ и перетвореніи міра заслугами искупителя міра.

Ни одна изъ мѣстъ кавказскихъ высотъ не подастъ поклоннику святыни христіанской, какъ Алевская поднебесная святыня, ключа, для пониманія этой книги великаго вселенской церкви сунайскаго инока. Она не разъ читана на этой высотѣ подвижниками обители кавказскаго Алевскаго Суная. Замѣчательно, что сочиненіе это, писанное на греческомъ языкѣ, явилось прозою въ переводѣ грузинскомъ очень рано, а въ X вѣкѣ, и въ стихахъ. Іоаннъ Петрицій (ჰეტრიციო (Patricius?)), извѣстный въ литературѣ грузинской подъ именемъ Чимчимійскаго (ჭიმჭიმჯეო), далъ книгѣ этой строй поэтическій для иноковъ,—поэтовъ духовнаго міра для духовнаго паренія по степенямъ духовнаго возвышенія въ добродѣтеляхъ. Съ этой стороны онъ, Шатобріанъ грузинскій, и, если не ошибаюсь, боль-

ше принесъ пользы сынамъ церкви хри-
стовой, подъ сводами стѣнъ Кавказа, чѣмъ
творецъ Génie du christianisme сынамъ
Галилеанской церкви.

Поэтично это шествіе и восхождение на
высоту, касающуюся небесъ, откуда въ об-
ширной панорамѣ видны не только высоты.
Тифлиса (въ 70 верстахъ отъ Алевн), но
Картлія и Кахетія съ ихъ высотами, весь
горный, мѣстами снѣгомъ покрытый пере-
валъ Кавказа, надъ которымъ его со сто-
роны сѣвера, открытыхъ стѣней древней
Хозаріи.

Наконецъ, мы посреди громадныхъ раз-
валинъ вокругъ уцѣлѣвшей церкви. Любо-
пытство религиозное остановило насъ у
стѣнъ древнихъ полуразрушенныхъ и уцѣ-
лѣвшихъ еще отъ временъ давнихъ. Пора-
женное величіемъ святыни, оно по свойству
природы человѣческой, невольно какъ-бы
очутилось среди вихря, въ преемствѣ вѣ-
ковъ, существованія человѣческаго, таин-
ственного для ума. Вокругъ храма видны
были прежде могилы съ истертыми надпи-
сями суэты дыханія земнаго и краткости
жизни. Здѣсь лежатъ герои вѣры, подвиж-

ники пустыни, исповѣдники Бога, труженники, писатели, чтецы, пѣвцы символовъ церковныхъ, поборники плоти и крови, страдальцы міра, стражи святыхъ, среди развалинъ, — символа страданій минувшихъ. Все молчитъ вокругъ насъ и все это говоритъ одно намъ, словами поэта:

Здѣсь страданіе спитъ. Спитъ-ли къ этимъ руинамъ состраданіе?

Пока въ комъ, существуетъ еще воспоминаніе о великомъ и священномъ прошедшаго, умъ и сердце не могутъ не двигаться въ сочувствіи къ нему. Несочувствующіе подобнымъ памятникамъ природы и религіи, должны именоваться неживущими, спящими.

Посѣщеніе этого древняго некрополя напомнило намъ картину дивнаго круга того царства, по которому Гете водилъ своего Фауста, повсюду встрѣчавшаго тѣни живыхъ и усопшихъ. Такъ трепетнымъ, трогательнымъ показалось намъ это жилище древнихъ, сдѣлавшееся предметомъ любопытства современныхъ, обиталище, напоминающее дни *гитъса* (*Dies irae*), разразившагося надъ нимъ.

Отъ этихъ руинъ, символа смерти, на-

чинается путь поевтителей святыхъ къ небесамъ и безсмертію. У пристани ихъ, подъ парусами св. креста, несетъ этотъ корабль житейскаго плаванія къ небесному пристанищу.

Опишемъ остатки этихъ руинъ, на высотѣ, подъ широкимъ пространствомъ небесъ, именуемой поэтами древними и Цицерономъ *храмомъ небеснымъ* (Templa coeli) (2) пристани избранной и назначенной древними для благодатнаго плаванія къ небесному Сіону,—пристань, гдѣ нѣтъ ни развалинъ, ни воздыханія, ни смерти. Для безсмертнаго духа, безъ сомнѣнія, назначенъ міръ безсмертный.

Церковь эта, на развалинахъ древней говоритъ преданіе, построена, царемъ Давыдомъ Возобновителемъ (1088—1125) въ одно время съ Ломисскою церковью на высотѣ же горной, отдѣляющей арагвское ущелье отъ ксанскаго. Преданіе же говоритъ, что она была освящена первоначально во имя св. Троицы, грузинское назва-

(2) Deus, cujus hoc templum est omne, quod conspicis.

не которой *ბაჟბა* «Самеба» (Троица) и осталось въ устахъ народа названіемъ *სამების მღვიმე* Пста. Празднованіе это весною *სამების მღვიმე* на этой поднебесной высотѣ, перенесено въ послѣдствіи въ лѣтнему 15 августа. Тогда-то, (а когда? неизвѣстно) освѣщена церковь во имя усенія Богоматери.

Таково начало явленія этого храма, и вокругъ его скита, на высотѣ, которая служитъ символомъ грани между землею и небомъ, между временемъ и вѣчностью, между конечнымъ и безконечнымъ.

Великій проповѣдникъ Чвондидекой церкви въ Мингрелии, митрополитъ Антоній IV (1754—1804), называетъ храмъ молитвы мостомъ, перекинутымъ чрезъ все пространство океана міра земнаго, для перехода въ жизнь свѣтлую небесъ (3).

Площадь вокругъ церкви на маковѣ горы заключаетъ до 300 кв. сажени. Она окружена оградой изъ плитовыхъ камней мѣстнаго песчаника. Высота стѣнъ ограды

(3) Въ словѣ при погребеніи въ генатскомъ монастырѣ имеретинскаго царя Соломона I-го великаго великими царственными и христіанскими добродѣтелями. Онъ — великій оплотъ противу исламизма въ Имеретіи.

когда то была до $1\frac{1}{2}$ сажени. Ширина въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Камни эти лежатъ друга друга безъ цемента и сложены кусно. Въ серединѣ ограды возвышается церковь, имѣющая въ длину 7 сажени, въ ширину 3, въ высоту 4 сажени. И стѣны, и своды сложены на крѣпкомъ цементѣ, оштукатурены внутри. Иконостасъ по древнему чину имѣеть въ высоту 1 сажень съ тремя дверьми въ алтарь. Налѣво отъ алтара есть пристройка, современная храму.—Это дѣкониконъ. Крыша храма накрыта каменными, на мѣсть же добываемыми плитняками. Безъ сомнѣнiя, онѣ были поставлены на известковомъ растворѣ. Время всепожирющее (едах герит), потрясло эту крышу, и камни явились кое-какъ набросанными въ защиту свода отъ течи. Въ такомъ видѣ онѣ и теперь. Съ сѣверной и западной сторонъ видны остатки аданiй—келiй, стѣны которыхъ потеряли крышу. Въ одной изъ этихъ келiй, служившей вѣроятно трапезной, оказались зарытыми глиняные кувшины, въ которыхъ хранились вина для храма и братiи. Изъ нихъ 2 вырыты изъ земли подрядчиками, исправите-

лами крыши и при мѣ лежали они во дво-
рѣ ограды, и наполнены водою, которую
для работы.

Къ оградѣ западной примыкають други
келіи, лишенные крыши. Въ одной изъ
нихъ есть тайникъ, для хранения иконъ,
богатства и утвари церковной. Онъ имѣеть
въ длину и ширину до 1½ саж. Онъ
и теперь служить хранилищемъ иконъ и
остатка принадлежностей храма.

Географъ Вахуштій пишетъ объ Алевѣ
слѣдующее:

აღუკი არის მთა ძალადი, თხემთა უტეუა,
კალთათა ტყიანი. ამღუკის თხემსა არს ეკ-
კლესიას უგუმბათო, მჭურეტი ქართლ-კახეთი-
სა. ამს მინა არს სამრავლე ხატთა 6 კუარ-
თა ოქროსა 6 კვცხლისა 6 სამხახურებელნი
ეკლესიისანი მრავალნი, კარნი აქუბ ოქროსი
რომელი უქმნეს სძარსთა. რაჲმს წარიღეს
ხატი მისი, სხვაულისა მუნ-მხილუქსთა, უქმ-
ნეს კარნი ოქროსანი 6 დახდუქსს ურემსა
ხარბმულსა 6 მოიღეს მუნ.

•Алеви есть гора высокая, по вершинамъ
бездѣсная, въ подгоріи лѣсистая. На маков-

въ горы есть церковь безъ купола конусообразнаго, надъ ландшафтомъ видѣются Карталин и Кахетин. Здѣсь много иконъ золотыхъ и серебряныхъ и множество служебныхъ церковныхъ вещей. Царскія врата золотыя, принесены въ даръ персами по случаю чуда, засвидѣтельствованнаго ими при илѣненіи храмовой иконы. Они положили икону и врата на арбу, запряженную волами, и свитыни эти явились у самой церкви.

Легенда эта основана на преданіи, до нынѣ существующемъ въ устахъ народа. Чудо или другими словами событіе внѣ порядка природы, не противорѣчитъ законамъ природы. Наука его не отрицаетъ. Отрицають его непосвященные той наукой, которая допускаетъ законы міра духовнаго или нравственнаго, философская основа которыхъ лежитъ въ идеѣ сверхъестественнаго (surnaturelle). Въ храмъ, какъ и въ тайникъ (სამკლავო) его не оказывается ни одного лоскута письма и книгъ древнихъ.

Послѣ времянь царей, праздновавшихъ по временамъ на этой высотѣ величайшій

изъ праздниковъ церковныхъ, изъ звѣздоховъ Грузіи, одинъ только (1810—1817) посѣтилъ эту стѣну тамъ генерала Н. Ф. Губарева; а въ 1841 году Викарій грузинскій, горійскій Никифоръ. Замѣчательно, по посѣщеніи этой сватыни письмо епископа Никифора, адресованное ко мнѣ. Вотъ слова мыслей этого достойнаго сватителя:

«Посвятите часть времени осмотру Алевской сватыни, опишите ея развалины, сохраните для потомства память объ ихъ священную и увѣковѣчьте ихъ существованіе. Еще полѣвка—и они исчезнутъ: оставьте, по крайней мѣрѣ, печатно свидѣніе объ нихъ. Исчезаютъ надписи на стѣнахъ и камняхъ, падающихъ ежегодно, имена строителей. Слава вѣковъ, ихъ строившихъ и поддерживавшихъ, не должна пропадать. Иностранцы, посѣщающіе нашъ край, брать насъ за равнодушіе, съ которымъ обходимся съ ними. Французы и нѣмцы предваряютъ насъ въ дѣлѣ осмотра и описанія ихъ. Ужели мы одни, потомки строителей, останемся холодными зрителями разрушенія памятниковъ, составляющихъ нашу сла-

бу минувшаго на память въкамъ и потомству? Минувшее могила, но и, *Исторія* достойна уваженія, благословену *Отецъ* святыни прошу осмотрѣть и описать святыни, достойныя исторіи, исторіи гражданственности религіозной, искусственной, нравственной. Я видѣлъ многое множество таковыхъ, и проливалъ слезы среди разналичнѣ, достойныхъ слезъ и плача пророка. Я со скорбію передавалъ объ этомъ мое мнѣніе нѣкоторымъ. Она печально слушали мой рассказъ. Ишу и прошу соизувѣтія въ васъ. Да руководить васъ духъ святыи въ дѣлѣ святомъ на славу церкви Христовой, въ честь края, богатаго богатыми для всѣхъ воспоминаніями.

На стѣнѣ храма 20 лѣтъ тому назадъ видѣлъ я скульптурныя изображенія барана, тельца и орла изъ камня, добытаго вокругъ скалистой ежешной горы, такъ называемой *сѣдловой* (*губзобавдос*). Этихъ эмблемъ зоологическихъ, отрывковъ фантастической эпопей животныхъ, перенятыхъ отъ глубины *Оиванды* высотами христіанскаго Кавказа, уже нѣтъ теперь. Онѣ ис-

чезли или укрыты подъ кучею или груда-
ми разваливъ каменныхъ плитъ^{ковъ}.

Преданіе живо еще въ устахъ старинныхъ
помиравшихъ присутствіе на этихъ высотахъ
въ день праздника, царевича Георгія (впо-
слѣдствіи царя подъ именемъ XIII) въ
1791 году. Онъ былъ угощенъ владетель-
нымъ княземъ Иваномъ Багратионъ-Мухран-
скимъ, женатымъ на царевнѣ Кетеванъ
Иракліевнѣ. Его сопровождали Іосифъ епи-
скопъ Циліанскій, мужъ ученый своего вре-
мени, и царевичи Алмасханъ, правитель
Арагвской области и Іоаннъ. Малахія іерей
душетской церкви подъ фамилією Хосро изъ
Чилурта; бывший іеродіаконъ епископа Іоси-
фа сказывалъ мнѣ въ 1828 году, что про-
повѣди, произносимыя святителемъ Іоси-
фомъ, — были большею частію слова лучшихъ
отцевъ церкви вселенской. Этому обыкно-
венію онъ требовалъ отъ всѣхъ проповѣд-
никовъ своей паствы. Таково указаніе муд-
раго святителя, достойное руководства и
подраженія.

Отъ древнихъ иконъ, дошедшихъ до
насъ замѣчательны:

1) 5 крестовъ деревянныхъ, съ изображені-

евъ святыхъ и преимущественно ангеловъ и архангеловъ на серебряныхъ, позлащенныхъ пластинкахъ, выдутыхъ. Эти иконы на пластинкахъ, принадлежать глубокой христианской древности. Они отломки отъ древнихъ иконъ, кое-какъ неправильно и не искусною рукою подобранные и пригвожденные къ древкамъ ветхихъ креста шестиконечнаго, осьми-конечнаго и др. формъ. Больше сохранившейся изъ нихъ, имѣющей въ длину $\frac{3}{4}$ аршина украшенъ восточными камнями. На немъ видны обелискъ, черный камень, агатъ, сердоликъ и др. Подъ выемкомъ этихъ украшеній, правильно и взаимно разставленныхъ, находится часть отъ древа животворящаго креста. Надписи на крестѣ нѣтъ никакой.

2) Архангела Гавриила съ греческою надписью въ $1\frac{1}{4}$ аршина съ надписью:

ἄρχαγγελοῦ γαβριηὴλ ἁγίου πνεύματος
 οὐρανοῦ ἰσχυροῦ ἀποστόλου ἰωάννου ἀποστόλου

Св. Троице прославь Эрестава
 Ивана Абесаломисе (сына Абессалона?)

Подъ этимъ именемъ Эрестава или Енархъ является въ летописи грузинской въ

1373 году (*) изъ династїи Виршійской (ვირშიელი).

Обветшавшій окладъ этой иконы вторично возстановленъ, въ 1772 году, какъ видно изъ слѣдующей надписи:

მკორედი მკვამევე ენიხთავის დავით. წელსა 1772 ქონთხოვონ უა.

Вторично украсилъ Эривавъ Давидъ въ годъ 1772, хроникона 460.

Этотъ Давидъ есть братъ Эривава Шанше III и умеръ, какъ видно изъ частныхъ актовъ въ 1774 году, т. е. чрезъ 6 лѣтъ уже по уничтоженіи Эривавства Ксанскаго въ 1768 году царемъ Правлиемъ II. Ученый Гюльденштедтъ въ 1772 засталъ его въ Ахалгори (ახალგორი), какъ бывшей резиденціи ксанскихъ Эривавовъ, и сопровождалъ его до Тифлиса, подъ прикрытіемъ 100 человекъ. (Den 2-ten Mai brach ich von Achalgori, von Königs Erivaw David begleitet, unter einer Bedeckung von 100 Mann nach Tiflis auf). Онъ же упоминаетъ въ числѣ высотъ, окружающихъ Ксанское ущелье Тончу, Ицрїя.

(*) Название титула или званіе Эривава, уже объяснено мною въ описаніи икортскаго монастыря. Тифлис, 1865. Стр. 68.

Handwritten notes in the left margin: "1774" and "1772".

Handwritten text at the bottom right: "საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკა" and "საქართველოს ეროვნული მუზეუმი".

Аргуни и Алевскую гору, называя и свя-
тыню на ней во имя Спасителя (135) Argu-
ni, nachher Ziria und Alaent. Argenta Zamin-
da (5). (აგუზობს აგუთებობს წმინდა). Это по-
следнее название искажено или въ устахъ
и родъ перомъ самаго писателя, или изда-
теля его книги, знаменитаго Палласа.

3) Икона Архангела Михаила. На выдутыхъ
пластинкахъ серебряныхъ уцѣвли надписи
церковными буквами.

კლდე კზა სძზა მუბთა მამუბებლთა.

Первая строчка тахеграфичи остается за-
гадкою; другая строчка *твоихъ строителей*
не указываетъ ни на какое имя.

4) На дверцахъ царскихъ вратъ есть икона
архангела изъ выдутыхъ серебромъ-озлащен-
ныхъ пластинокъ. На ней надпись слѣд.
церковными буквами:

სამუბებლ წმინდა უკლანს
კრახთავთ-კრახთავთ, სძმუბებლ წმინ-
დათ რანსვე წმინდებებს კრახთავთ-
კრახთავთ დანსვე
დაუკლებელმს კრახტემს დქრთმს წყებმს,
რამქლთა მქანდა მუბ გუპო მქოვეთა ვამ-
ტქიგებ მობთა.

(5) Reisen durch Rußland und im Caucasischen
Gebürge. (S. P. B. 1787) 1 Theil. 247. 248.

Троице святая кулару Эреста-
 вовъ Эреставу сохрани
 не вмѣстимаго Христа Бога, ^{предъ} ^{кото-}
 рымъ имѣеть тебя ходатаемъ па-
 рей въ утвержденіе ихъ

5) Икона успенія пресв. Богородицы мос-
 ковской живописи въ аршинъ вышины съ
 золотыми вѣнками (სკმატა) на головахъ апо-
 столовъ и вокругъ лица Богоматери въ-
 новъ золотой съ 4 драгоценными камнями.
 На иконѣ слѣд. надпись:

სუბს მუფის გიორგის ქუძან ოთხე შკვამ
 კვირე ხატა ესე ღუთის მშობლისა მიტულე
 ბასა აღევს კველებიის ოხვე კველებიის
 შქინრულის ნიკთებითა. ამხთვს ვინაღვან
 წმინდა კველებს უოვლად წმინდას ღუთის
 მშობელისა არის & გლეხნი წმინდას ხამქბას
 კმხიან. ორნივე ხატნი შკვამკვიით: ერთი
 ესე & მეორე წმინდას ხამქბას ხოხვად ხული-
 ხს ხვენის & მუღლის & მისს ჩუბნის 1810.

Мы сынъ царя Георгія Іоаннъ украсили
 икону сію успенія пресвятыя Богородицы
 Адѣвской церкви, церкви же пожертвован-
 ными вещами. Какъ святая церковь освя-
 щена во имя пресв. Божія матери, а мас-
 са народа именуеть «св. троицы», то мы

украшили обѣ иконы: одну эту, и другую икону св. троицы въ залогъ сраженія плути нашей, и супруги, и сына нашего, 1810., (6).

6) На иконѣ архангела Гавріила изъ выпуклаго позлащеннаго серебра есть слѣд. надпись церковными буквами:

ძოვარანგელოზო კაბრიელ. მუთნ ღ
ძოვარკელ..... მუნთა ძამქებელთა..... მუ
იქუაღკ კ.... ხ..... უღა ღვარსაბ ქორანა
კონხაღზ. კანძახლებელა არაგვს ქრისტოავი....

Архангеле Гавріилъ, молитвенникомъ и хранителемъ..... твоихъ строителей..... приступали..... помилуй благословеннаго Луарсаба царя (7) въ годъ хроникона 307, (1619 г.). Обновителя оклада иконы..... Арагвскаго Эристава.....

Богатство серебряныхъ приношеній древнихъ и новыхъ, состоявшихъ изъ огромныхъ кувшиновъ (broque), кубковъ и др. вещей съ 1800 года мало по малу стало исчезать. Князья Эристовы-Ксанскіе, какъ маркграфы у этой святыни, отдѣлявшіеся

(6) Скопчался въ 1839 году. Отъ сына его Григорія остается князь Іоаннъ, которому посвятилъ я сочиненіе на груз. языкъ, еще неизданное: жлзнь царя Георгія XIII.

(7) Царь Луарсабъ II святой и мученикъ (1616—1622) груз. церкви.

отъ другихъ смежныхъ съ ними маршграфовъ Эрцетавовъ Арагвскихъ; по праву феодальныхъ правъ надъ северною стороною Левской возвышенности праздники получали отъ хранителей ихъ эти кубшины для употребленія за столомъ. Въ послѣдніе годы оказалось ихъ очень мало къ изумленію самихъ Эрцетавовъ и почитателей святыни. За всѣмъ тѣмъ въ 1867 году отъ проданнаго серебрянаго богатства выручено духовною властію 665 руб. Были ли надписи на нихъ, замѣчательныя для исторіи и потомства, я не знаю. Но на двухъ большихъ кубкахъ (сѣфа) серебряныхъ и на одной изъ амфоръ было упомянуто имя *Ашота* владѣтеля Мухрани—родителя царицы мученицы св. Кетевани. Этыхъ-то вещей я уже здѣсь не встрѣтилъ.

Отъ богатства древняго остались:

а) серебряная люстра и 6 подсвѣчниковъ—приношеніе царевича Вахтанга въ 1787 году.

б) Овень или агнецъ серебряный о двухъ подсвѣчникахъ—приношеніе царицы Имеретинской Анны, супруги царя Давида II (1782—1792).

Исправленіе церкви по порученію власти производили 3 Грека и 3 другихъ рабочихъ, 10 пудовъ извести и бурдюкъ воды встрѣтилъ я въ кругу ограды церковной. Не смотря на течь въ крышѣ, вышнія стѣны

храма выбьлены известію и тонкій горный воздухъ отражаетъ отъ себя лучи солнца на высотъ этого фароса, во кругъ котораго играютъ и громы и молніи.

Изъ іереміады или исторіи слезъ и печальныхъ событій съ этою святынею извѣстно, что обитель эта опустѣла въ 1724 году. Это эпоха водворенія въ Грузіи турокъ, изгнавшихъ царя Вахтанга VI въ Россію подъ защиту Петра Великаго. Черезъ 7 лѣтъ ихъ владычества, мечемъ великаго завоевателя Надиръ-Шаха освобожденъ край. Это, и по выраженію Надиръ-Шаха, волшебное царство защищено отъ вѣншихъ враговъ, воцарены цари въ Картліи и Кахетіи, возстановлено торжество евангелія, но незащищено отъ враговъ внутреннихъ. Персидскіе правители, ихъ дѣатели въ край и при дворѣ христіанскихъ царей, явились тайными и открытыми врагами христіанскаго порядка и обществениости христіанской. Ихъ восхищала природа царства, покрытая растительностію, роскошные сады винограда, горы, тучною травою кормившія стада, виды полей и дѣсовъ, горныхъ высотъ, замки вельможъ съ ихъ феодальными правами. Но чуждалась народа за ихъ вѣру въ крестъ Христовъ, за свободу совѣсти, за независимость народную, непонятную для тиранніи персидской. Тираннія ищетъ униженія чело- вѣческаго значенія. Ненависть персидскихъ

дѣателей къ народу съ его древнею, твердо
установившеюся обстановкою ^{вокругъ} ^{крѣ-}
ста Христова, имѣла послѣдствіемъ ^{равно-}
душіе, въ которое поставила ^{волею} ^{Шахъ}
Надира (1746 г.) царей персидскихъ, пе-
кавшихъ случая къ ослабленію царей грузин-
скихъ. Надъ Грузією долго тяготѣла эта
невидимая рука персидскихъ представителей,
мелкихъ умовъ, недостойныхъ своихъ мѣстъ
и представительства. Подъ вліаніемъ такихъ
умовъ, повторю, мелкихъ, народъ грузин-
скій охладѣлъ къ Персіи. Охладѣли и серд-
ца шаховъ къ народу и странѣ лучшаго
своего Валиетана. Очень часто и мелкія
гадины опасны для слоновъ и львовъ, ца-
рей животнаго царства. Ненависть къ Пер-
сіи, брошенная въ сердце народа, скоро
выразилась въ сверженіи ига, его давивша-
го и обращеніи рѣшительномъ и оконча-
тельномъ и умовъ и сердець къ единовѣр-
нымъ царямъ Россіи. Такъ вончилась ше-
стнадцати-лѣтняя борьба царства христиан-
скаго съ тираниєю персидскою. Такъ раз-
рушена стѣна, дерзко воздвигнутая исламиз-
момъ противъ Израиля (კობახტა ზღუდა და
გუბუგუა დაბახ დაბახ ახლადგახ), по сло-
вамъ Арсенія Ивальтскаго (1070—1140)
(გუგათუგა) въ похвальномъ словѣ царю,
святому Давиду III. Христианство воспита-
ло народъ. Оно сроднилось съ нимъ, съ

его политикою и съ его значеніемъ. За то оно-же защитило и сохранило его отъ ига, его давившаго, отъ рукъ, дерзко надвигавшихся на него, отъ козней [gratious] [Djuz] темныхъ силъ, замысленныхъ противъ него. При этомъ историкъ народа невольно вспомнитъ стихъ древняго поэта (*):

ქუცო, რა წყაგნა ხაზგო, იცოდუ, ან
დახდობნაგნა.

Брось дерево въ воду,
Оно, въ ней не потонетъ.

Оно ея воспитано росой:
Роса, не можетъ его не щадить.

Платонъ Иосселиани.

20-го августа, 1870 г.
г. Душетъ.

(*) Килиа Дамана (груз. рукоп.). Не сомнѣюсь, что эта строфа, богатая мыслию, но неудачная въ стихахъ (Male patam versus. Horatius), не вышла изъ подъ пера писателя древняго въ эпоху не появленія, а существованія книги въ X вѣкѣ и при царицѣ Тамарѣ (1184—1212). Она обличаетъ эпоху паденія литературы, задумавшую въ началѣ XVIII вѣка возстановить книгу или искаженный текстъ книги. Такъ пишетъ царь Вахтангъ VI въ предисловіи своемъ къ Килизъ-Дамана.